

*доктор филологических наук,
профессор, заведующий
кафедрой германских языков
и зарубежной литературы,
проректор по научной работе
Каменец-Подольского
национального университета
имени Ивана Огиенко*

БИБЛЕЙСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА

Вопрос о роли Библии в художественном сознании Андрея Платонова неоднократно поднимался в литературоведении. Чаще всего он связывается с попытками определить «степень христианства» писателя. И тут мнения исследователей существенно расходятся. Так, Л. Карасёв считает, что весь художественный мир автора «Чевенгура» и «Котлована» организуется вокруг христианских идей [3, с. 28]. О. Кузьменко, напротив, утверждает, что «творчество А. Платонова опирается не на христианское учение, а на социалистические идеи в трактовке богоискателей» [4, с. 81]. Е. Яблоков в комментарии к роману «Чевенгур» [10], прослеживая присутствующие в нём очевидные и предположительные библейские реминисценции, как правило, ограничивается их констатацией, что обусловлено особенностями такого литературно-критического жанра, как комментарий. В настоящей статье ставится цель рассмотреть место и роль библейских реминисценций в формировании платоновской художественной концепции мира и человека и предпринимается попытка интерпретации ряда библейских аллюзий и реминисценций, которые либо не попали в поле зрения платоноведов, либо оставляют возможность многозначного толкования.

Уже раннее творчество Платонова, при всем подчеркнута категоричном отрицании отрицания религии и Бога (ср.: «Неужели время не движется и до сих пор Христос, Шелли, Байрон, Толстой интереснее электричества...» [9, с. 241]), пронизано библейско-христианскими аллюзиями и реминисценциями. Молодой писатель безусловно Платоновым признает огромную роль христианства в истории человечества: «...великий перелом был в эпоху зарождения Христианства, когда человечеству была дана новая душа, в корне изменено его мирозерцание, весь психический порядок...» [6, с. 27]. В многочисленных публицистических текстах конца 1910-х – начала 1920-х годов Платонов, помимо прямых параллелей, проводимых между современной эпохой и временем возникновения христианства, само начало нового мира, рождённого революцией, рисует в духе библейских сцен первотворения: «Земля сейчас темна, бесплодна и неустроенна, и мысль человека-организатора, ещё не сознавшая всей своей мощи, веет над нею...» [9, с. 206].

Близки к публицистической трактовке и библейские мотивы в рассказах 1920-х годов («Иван Жох», «Рассказ о многих интересных вещах» и др.). Здесь впервые возникают, обретая концептуальное значение, образы рая, мотивы сотворения мира, исхода, поисков и обретения Царства Божиего на земле, Града Всечеловечества. В дальнейшем эти образы и мотивы будут присутствовать практически во всех произведениях писателя, превращая их в авторские социально-исторические версии ключевых ветхозаветных сюжетов – «сотворения мира» («Сокровенный человек»), «наказания города» («Чевенгур»), исхода («Джан»), всемирного потопа («Ювенильное море»), «Града Всечеловечества» («Счастливая Москва»).

В работах о Платонове часто постулируется идея «смерти Бога» в художественном мире писателя; место Бога занял человек, узурпировав права последнего на Страшный суд над че-

ловеком и природой [См.:11, с. 367-368; 5, с. 18]. Вместе с тем важно подчеркнуть, что в этом мире Бог отсутствует не потому, что его «изгнал» оттуда автор, а потому, что люди, которые живут и действуют в нём, с одной стороны, хотели бы построить общество, где не было бы Бога, а с другой стороны, в основание новой жизни инстинктивно-бессознательно кладут всё те же принципы религиозного понимания и восприятия мира. Фома Пухов из «Сокровенного человека», один из самых близких к автору героев Платонова, недвусмысленно заявляет об этом: «...ты его хочешь от бывшего бога отучить, а он тебе Собор Революции построит...» [7, с. 85]. В «Городе Градове», едва ли не единственной «чистой» сатире Платонова, современная идеология открыто объявляется аналогичной религии: «Религия пошла у нас новая и посерьёзней православной» [8, с. 656]. Эти произведения, созданные в середине 1920-х годов, в наибольшей степени свидетельствуют о том, как преодолевалось в Платонове религиозное представление о революции и будущем мире.

В повести «Сокровенный человек» при всей ее приближенной к реальности социально-исторической и пространственно-временной конкретности, доминирующим является условно-символический, уровень повествования. Отдельные эпизоды повести и действия её героев явно вызваны к жизни библейскими ситуациями. К примеру, движение красноармейцев, идущих в бой, через воспоминание Пухова соотнесено с пасхальной заутреней [7, с. 45] и представлено как наступление на природу и переделывание всего мира. Стиль произведения во многих местах возвышается до библейско-патетического, а в некоторых местах явно присутствуют отрывки из Библии. Н. Корниенко, в частности, отмечает, что обращение Пухова к обывателям: «Сволочи!... Вреён не чувствуют!» – почти цитата из Евангелия от Матфея: «Лицемеры! Различать лицо неба вы умеете, а знамений времени не можете» [7, с. 17].

Наиболее значительный, но вместе с тем сложный и противоречивый материал для исследования библейско-христианского пласта в творчестве Платонова содержит роман «Чевенгур». Воспроизводимые в нём события и действия героев ещё более очевидно соотносятся с библейскими ситуациями, мотивами и образами. Эксперимент по сотворению нового мира и нового человека, который здесь предпринимается, лишен четкой и определенной авторской оценки. Автор зачастую пародирует известные библейские мотивы (или даже ещё более древние, лёгшие в основу библейских – например, месопотамский миф о создании человека из глины, замешанной на крови бога). Так, Чепурный, подобно Всевышнему, создаёт чевенгурский коммунизм за несколько дней и ночей, предварительно подготавливая для этого «голое место» (в прямом и переносном смысле – очищенное от всяких неровностей и свободное от людей, недостойных жить в нём). Затем учреждает новое время, фиксируя его чевенгурским календарём, в котором отмечается: «Летом 5 ком.». То, что Чепурный не единственный «сотворитель», подтверждает и более ранний эпизод романа, когда Соня Мандрова рассказывает Саше Дванову об учителе на курсах, который «говорит, что мы вонючее тесто, а он из нас сделает сладкий пирог» [10, с. 90]. Сходная ситуация повторяется в эпизоде, когда в Ханских Двориках ещё один создатель нового общества, назвавшийся Достоевским, организовал некоего неучтённого человека по имени Недоделанный и «тем прочно закрепил его существование: как бы родил Недоделанного для советской пользы» [10, с. 134]. Комментатор романа говорит об этом отрывке как о блистательном примере амбивалентной платоновской фразы: с одной стороны, Достоевскому приписываются функции Творца, с другой – употребление прямолинейного «родил» (вместо, скажем, «создал», «сотворил») вносит элемент натурализма и тем самым пародийности; к тому же словосочетание «родил Недоделанного» вызывает сильное сомнение в полезности «акта творения» [10, с. 572]. Дополним это интересное наблюдение небезосновательным предположением, что Платонов включил такое необычное имя в текст романа под влиянием Достоевского, у которого в Дневнике писателя за 1877 г. можно прочесть следующий пассаж: «Надо выделаться в человека. С недоделанными людьми не осуществились бы никакие правила, даже самые очевидные...» [2, с. 400].

Ещё одна устойчивая и основополагающая в платоновской концепции ситуация – воскресение (воскрешение) человека. Почти все писавшие о романе указывают на связь между попытками Чепурного воскресить умершего мальчика, сына нищенки, пришедшей вместе с «прочими» в Чевенгур, и воскресениями, совершаемыми Иисусом Христом в Евангелиях [5, с. 22; 10, с. 629]. Однако, насколько нам известно, никто не называл ещё один эпизод из Библии, отсылающий к упомянутому событию «Чевенгура». Это – воскресение Иисусом Христом мальчика, единственного сына наинской вдовы (Лк, 7, 12-15). Конкретная наполненность обоих эпизодов (мальчик – единственный сын, вдова – «прочая») позволяет говорить о том, что именно эти эпизоды связаны по закону реминисценции. Существенно, что именно путём травестирования Платонов создаёт символическую ситуацию, в которой смерть ребёнка становится знаком окончательного краха чевенгурской коммуны.

Деятели «Чевенгура» также обнаруживают очевидное сходство с библейскими персонажами. В первую очередь здесь нужно назвать Александра Дванова. Ряд исследователей романа связывают его с самим Иисусом Христом. М. Геллер прямо говорит: «Александр Дванов – чевенгурский Христос...» [10, с. 619]. О. Кузьменко проводит параллели между Иисусом Христом и Двановым, с одной стороны, и Прокофием Двановым и Иудой, с другой [4, с. 75]. Вместе с тем Прокофий вполне соотносим и с библейским Аароном. Распределение функций между Чепурным и Прокофием, когда один «думает», а другой «формулирует», напоминает эпизод из Библии, когда Бог объявляет Аарона устами его брата Моисея (Исход.ІУ.10-16) [10, с. 605]. Близость Прокофия к Аарону подтверждает и эпизод, в котором он, подобно своему библейскому прототипу, собиравшему золотые вещи для создания золотого тельца, реквизирует различные ценные предметы у «имущих» жителей Чевенгура [10, с. 230].

Библейскую подоплеку имеет и мотив смены имени в «Чевенгуре». В Библии отмечено несколько случаев, когда меняются имена как ветхозаветных, так и новозаветных персонажей. Это – Иаков, получивший имя Израиль, Аврам, ставший Авраамом (ср.: «Не будешь ты больше называться Аврамом, но будет тебе имя: Авраам, ибо Я сделаю тебя отцом множества народов» (Быт. 17, 5)), Симон, названный Петром, апостол Павел, носивший до обращения имя Савл. Такому переименованию всегда придавалось большое значение: имя обычно выражало не столько отличительную черту характера, сколько миссию своего носителя. Чаще всего изменение имени определяло радикальные изменения в судьбе человека и было связано с духовным прозрением и обретением смысла существования.

У Платонова сакральный акт переименования как раз и осуществляется ради воплощения идеи нового, второго рождения. Чевенгурцы утверждают свое достоинство и честолубие, «окрепшаяся» знаменитыми именами, становясь кто Христофором Колумбом, кто Федором Достоевским, кто Францом Мерингом. Кроме прочего, тут имеет место и общая тенденция к мифологизации имени, поскольку мифологическое сознание тяготеет к отождествлению имени и его носителя, поэтому вместе с новым именем заимствуются и ценности, свойственные предыдущему носителю. В случае Платонова существенно, что переименование окрашивается авторской иронией, его основанием часто является параномазийное уподобление (например, Меринг – потому что по-уличному был Мерин и т.п.).

Библейский пласт «Чевенгура» создается не только собственно текстовыми реминисценциями, но и многообразной символикой, которая вводится в повествование с помощью деталей предметно-художественной изобразительности. Чаще всего встречается центральный символ христианства – крест. Кроме привычных крестов на могилах или сбитых с церковных маковок, значение креста специфически актуализируется, когда его сопоставляют со звездой. Герои романа ведут спор о том, что больше похоже на человека – крест или пятиконечная звезда. Крестом, продетым сквозь дверные ручки, Копёнкин закрывает в алтаре «хищника» и «грешника революции» Прокофия Дванова.

Символизируется в романе также образ храма и его важнейших элементов (алтарь, амвон и т.п.) также. Прокофий Дванов предлагает Чепурному проводить в храме заседания ревкома, поскольку «там больше будет противоречия» [10, с. 292]. В храме в дальнейшем происходят важнейшие встречи персонажей произведения, на амвоне лидерами чевенгурского коммунизма принимаются судьбоносные для города и мира решения. Алтарь становится местом для проведения всяческих таинств, вплоть до интимных отношений (Прокофий Дванов и Клавдюша). Особенно многозначительна в романе сцена заседания ревкома в церкви с участием Чепурного и Прокофия, восседающих за столом на амвоне – под всевидящим оком бога Саваофа, взирающего с купола. Описание этой группы из трех человек можно рассматривать как травестированный образ Деисуса, где Чепурный выступает в роли Иисуса, воздающего за грехи, Прокофий Дванов – в роли Иоанна Крестителя, а Клавдюша – в роли девы Марии [1, с. 264]. Показательно, что, уповая на свет и солнце (также устойчивый символ христианства, уходящий своими корнями в глубокую древность), чевенгурские коммунисты предпочитают «темноту». Чепурный указывает «впредь назначать заседания ревкома по ночам»; Прокофий Дванов подчёркивает, что «ночью человек получает больше сосредоточенности» [10, с. 292], в авторской речи отмечается: «тёмный воздух храма» [10, с. 212]. Это позволяет говорить, что, как и многие другие соотносимые понятия в «Чевенгуре» (верх-низ, конец – начало, идеальное – материальное, обычное – чрезвычайное и пр.), «свет» и «темнота» вступают в амбивалентные отношения.

В амбивалентно-травестированном ключе (в отношении к библейско-христианской традиции) решается в «Чевенгуре» и проблема труда. Герои романа неоднократно высказываются в пользу отказа от труда (Прокофий Дванов создаёт даже целую теорию о «вредности труда»), почти в открытую ссылаясь при этом на слова Иисуса Христа о живущих без заботы о завтрашнем дне птицах [10, с. 54], полевых лилиях [10, с. 154]. Платонов вскрывает буквальное понимание чевенгурцами этих христианских идей: они не учитывают их глубинного смысла, того, что в поучении Христа речь, по существу, идёт о заботе как о поглощенности души внешним миром, о том, что забота не должна захватывать человека целиком, но вовсе не о полном отказе от всякой заботы и всякого труда. Усиливает травестию указанных идей и то, что, принципиально ничего не делая, чевенгурцы трудятся только по субботам, то есть нарушают третью заповедь Ветхого Завета: «Помни день субботний...» (Исход. XX. 8-11).

Во многих произведениях Платонова, и в особенности в «Чевенгуре» и «Котловане», существенным является тот факт, что его герои лишены смеха. Л. Карасёв, называя сознание Платонова анонимно-религиозным, объясняет это тем, что смех связывался Платоновым с наукой, мыслью, а следовательно с новым, нарождающимся сознанием, поэтому в «Котловане» могла смеяться только маленькая Настя, чувствующая в своей голове «ум», в «Чевенгуре» «нормально» смеется «умным голосом» только кузнец Сотых [3, с. 43]. Добавим, что улыбается в Чевенгуре еще и Клавдюша – «с весёлым внимательным лицом, словно она была коммунисткой будущего» [10, с. 212]. Действительно, отсутствие смеха, восполняемое обилием плача и стыда, «любезных» христианству, кажется симптоматичным у Платонова. Вместе с тем вряд ли следует связывать это только с «разумом». Многие говорят в пользу того, что в пору создания произведений конца 20-х – первой половины 30-х годов Платонов в значительной степени преодолел «соблазн сознания». К примеру, в повести «Епифанские шлюзы» речь идёт как раз о поражении «головных построений одинокого разума» [12, с. 162].

Специфически трансформируется в «Чевенгуре» и одна из важнейших христианских идей – идея Нового Града. Вводится она в роман словами из Евангелия от Матвея: «Приидите ко мне все труждающиеся и обременённые и аз упокою вы» (Мф. XI, 28), которые читает Копёнкин над дверью храма, где заседает чевенгурский ревком. Однако по закону травестики чевенгурский коммунизм израя превращается в ад, где нет места отдельному человеку, свободе и

гуманизму. Точно так же «общепролетарский дом» в «Котловане» становится могилой девочки Насти и того светлого будущего, которое она олицетворяет в повести.

Образ Нового Града и аналогичная ему идея «Тысячелетнего царства», квинтэссенция христианской апокалиптики, специфически интерпретируемые в «Чевенгуре», обуславливаются эсхатологическими представлениями о революции героев произведения. Этот факт отмечен практически всеми, кто писал о романе. Следует, тем не менее, что не все персонажи «Чевенгура» в одинаковой степени заражены апокалиптическими идеями. Александр Дванов, хоть и «верил, что революция – это конец света», всё же в отличие от остальных чевенгурцев, ожидающих коммунизма как манны небесной, был убежден, что «его можно лишь сделать, а не рассказать» [10, с. 77]. Вместе с тем именно Дванов говорит членам коммуны «Дружба бедняка», что «после завоевания земного шара – наступит час судьбы всей вселенной, настанет момент страшного суда человека над ней» [10, с. 143] и предлагает соорудить памятник революции, проект которого сам же недвусмысленно комментирует: «лежащая восьмёрка означает вечность времени, а стоячая двухконечная стрела – бесконечность пространства» [10, с. 144].

Некоторые исследователи «Чевенгура» определяют его жанровое своеобразие, исходя именно из эсхатологических чаяний героев романа. Так, О. Кузьменко в книге об Андрее Платонове, содержащей много верных и интересных наблюдений и выводов о своеобразии творчества писателя, называет «Чевенгур» хилиастическим, или сальвационистским романом [4, с. 81]. Думается, это до известной степени сужает синтетическую жанровую природу романа А. Платонова. Кроме того, эсхатологическое понимание революции, как отмечалось выше, присуще не столько автору, сколько его героям, а отношение Платонова к ним далеко не всегда отмечено явным сочувствием.

Таким образом, очевидно, что Библия имела огромное значение в нравственно-эстетической эволюции Андрея Платонова. Вместе с тем использование библейско-христианских образов и мотивов в художественном творчестве писателя не поддаётся однозначному толкованию. С одной стороны, мы видим в его произведениях искренние попытки и автора, и героев придать социальной революции значение морально-этической переделки мира, что неизбежно приводило их к христианским ценностям. С другой стороны, смешанные с революционными идеями христианско-эсхатологические чаяния, свойственные героям Платонова и нередко не согласующиеся со здравым смыслом, подвергаются Платоновым пародированию и трагестированию.

Литература:

1. Гюнтер Г. Жанровые проблемы утопии и «Чевенгур» А. Платонова / Ганс Гюнтер // Утопия и антиутопическое мышление. – М. : Прогресс, 1991. – С.252 – 276.
2. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1877. – М. 1989. – 213 с.
3. Карасёв Л.В. Знаки покинутого детства («постоянное» у Андрея Платонова) / Л.В. Карасев // Вопросы философии. – 1990. – № 2. –С. 26 – 43.
4. Кузьменко О.А. Андрей Платонов: Призвание и судьба. Очерк творчества / Олег Андреевич Кузьменко. – К. : Либідь, 1991. – 232 с.
5. Пискунова С., Пискунов В. Сокровенный Платонов: К выходу в свет романа «Чевенгур», повестей «Котлован», «Ювенильное море» / С. Пискунова, В. Пискунов // Литературное обозрение. – 1989. – № 1. – С. 17 – 29.
6. Платонов А.П. Возвращение / А.П. Платонов / Предисл. С. Залыгина; Комментар. Н. Корниенко. – М. : Молодая гвардия, 1989. – 204 с.
7. Платонов А.П. Вся жизнь : Сборник / А.П. Платонов / Сост. М.А. Платонова; предисл. Н.В. Корниенко. – М. : Патриот, 1991. – 367с.
8. Платонов А.П. Избранные произведения: Рассказы. Повести / А.П. Платонов. – М. : Мысль, 1983. – 912 с.

9. Платонов А.П. Сочинения. Том первый. 1918 – 1927. Книга вторая. Статьи. – М. : ИМЛИ РАН, 2004. – 512 с.
10. Платонов А.П. Чевенгур: [Роман] / А.П. Платонов / Сост., вступ. ст., коммент. Е.А. Яблокова. – М. : Высшая школа, 1991. – 654 с.
11. Семёнова С. «В усилии к будущему времени...» Философия Андрея Платонова / С.Г. Семёнова // Семёнова С. Преодоление трагедии: «Вечные вопросы» в литературе. – М. : Сов. писатель, 1989. – С. 318 – 377.
12. Шубин Л.А. Поиски смысла отдельного и общего существования. Об Андрее Платонове. Работы разных лет / Л.А. Шубин. – М. : Советский писатель, 1987. – 368 с.

Анотація

А. КЕБА. БІБЛІЙНІ РЕМІНІСЦЕНЦІЇ У ТВОРЧОСТІ АНДРІЯ ПЛАТОНОВА

У статті аналізується місце і роль біблійних ідей у формуванні художньої концепції світу і людини А.П. Платонова. Відзначається амбівалентна семантика біблійно-християнських образів і мотивів у творчості письменника.

Ключові слова: Андрій Платонов, ремінісценція, алюзія, біблійні образи і мотиви, амбівалентність.

Аннотация

А. КЕБА. БИБЛЕЙСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА

В статье анализируется место и роль библейских идей в формировании художественной концепции мира и человека А.П. Платонова. Отмечается амбивалентная семантика библейско-христианских образов и мотивов в творчестве писателя.

Ключевые слова: Андрей Платонов, реминисценция, аллюзия, библейские образы и мотивы, амбивалентность.

Summary

A. KEBA. BIBLE REMINISCENCES IN ANDREY PLATONOV'S CREATIVE WORK

The place and the role of the Bible ideas in Andrey Platonov's artistic conception of the World and Man have been traced in the paper. The author ascertains the ambivalent semantics of the Bible images and motifs in Platonov's works.

Key words: Andrey Platonov, reminiscence, allusion, Bible images and motifs, ambivalence.